

УДК 341.218(470:510)+271.2(=512.31)
DOI: 10.18101/978-5-9793-1682-6-32-36

БУРИНСКИЙ ДОГОВОР 1727 Г. И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПРАВОСЛАВИЯ СРЕДИ БУРЯТ

© Будаева Ояна Эрдэмовна

студент,

Иркутский государственный университет

Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1

ayana.budaeva@list.ru

Аннотация. На протяжении практически всего своего сосуществования Российская империя проводила политику «обрусения» по отношению новых территорий и их коренных жителей. Конфессиональная политика была одним из средств достижения поставленных правительством целей. Таким образом, власть планировала подчинить коренные народы не только физически, но и духовно. Для реализации планов издавались различные нормативно-правовые акты, выделялись колоссальные суммы и прочее. В статье рассмотрен Буринский договор от 20 августа 1727 г. между Российской империей и Китаем, как средство продвижения православия среди бурятского этноса и его дальнейшего «обрусения» в рамках конфессиональной политики государства. В работе уделено должное внимание деятельности графа С. Л. Владиславич-Рагузинского и его «Инструкции пограничным дозорщикам», а также взаимоотношению Русской православной церкви с другими религиозными верованиями.

Ключевые слова: буряты, Российская империя, православие, РПЦ, крещение, буддизм, ламы, шаманизм, Буринский договор, Кяхтинский договор, С. Л. Владиславич-Рагузинский, Инструкция пограничным дозорщикам.

Религия сопровождает человека многие тысячелетия, представляя из себя не только духовную часть общества, но и важный рычаг управления государства. Вместе с русским населением на территорию Восточной Сибири проникло христианство в лице православия. Изначально новая религия образовалась в Прибайкалье, а затем — Забайкалье, где появились два духовных центра расположенные в Иркутске и Верхнеудинске (ныне г. Улан-Удэ).

Вполне неудивительно, что при тесном контакте с русским населением, с большой поддержкой имперских властей, среди бурятского этноса стало активно распространяться православие. Государство вело собственную политику по отношению к инородцам, считая, что только через духовную составляющую можно подчинить коренные народы. Все действия также были направлены для сближения Европейской и Азиатской России не только по территориальному признаку, но и на политическую, социальную, духовную и прочее.

К концу XIX в., согласно данным на 1897 г., численность бурят в Сибири достигало 288.600 чел., что в процентном соотношении с остальными коренными народами составляло 35,08% [4, с. 443]. Следует заметить,

что статистика не является абсолютно точной, т.к. на момент данного времени многие восточные буряты все еще жили по кочевому или полукочевому образу жизни.

Русское правительство рассматривало христианизацию инородцев как одним из способов воспитания верноподданических чувств [3, с. 139]. Указом Павла I от 5 апреля 1797 г. о порядке престолонаследия, где также прописывалось, что император провозглашается главой православной церкви. При Николае вышла в свет статья 42 «Свода законов Российской империи»: «Император, яко христианский государь, есть верховный защитник и хранитель догматов веры и блюститель правоверия и всякого в церкви святой благочиния» [3, с. 139].

Как можно заметить, преследуя собственные цели, государство активно поддерживало процесс христианизации бурят. Данный вопрос необходимо рассматривать с позиции двух сторон. Если помыслы имперских властей указаны выше, то буряты получали от принятия новой веры освобождение от уплаты ясака сроком в три года, развитие медицины, грамотности и прочее. Однако немаловажным является и тот факт, что достойную конкуренцию православия в качестве основной религии для коренного народа составляли пришедший с востока буддизм и шаманизм, практиковавшийся с древнейших времен. Если шаманизм был изначальным верованием коренных народов, то буддизм достаточно быстро смог распространиться и закрепиться в Восточной Сибири. Особенно на территории Забайкалья.

В Российскую империю буддизм проникал с востока еще до определения государственных границ. Именно поэтому для активного продвижения конфессиональной политики необходимо было остановить поток приходящих лам. Для урегулирования данного вопроса, было решено сократить численность буддийских монахов после подписания ряда договоров между Российской империей и Цинским Китаем.

Согласно Нерчинскому договору встал спорный вопрос о территориях верховья Аргуни, т.к. в китайских записях данная территория совершенно не была упомянута. Для предостережения конфликта между двумя государствами в Цинскую империю была направлено посольство во главе с князем С. Л. Владиславич-Рагузинским. Так, 21 октября 1727 г. был заключен Кяхтинский договор, который определял политические и торговые отношения двух стран. Договор состоял из 7 статей, куда вошел и Буринский договор в качестве статьи №3. [6, с. 95].

Для сохранения новых территориальных границ, граф С. Л. Владиславич-Рагузинский самолично принимал участие в организации охраны. Было установлено проведение ежегодных объездов, установлено 30 караулов, введена должность пограничных дозорщиков и т.д. Так, границы разделялась на две линии: Восточная и Западная. Восточная часть была доверена селенгинскому дворянину Григорию Фирсову, а западная — иркутскому сыну боярскому Анисиму Михалёву [5, с. 13].

Особое внимание необходимо уделить «Инструкции пограничным дозорщикам» С. Л. Владиславич-Рагузинского, где впервые было упомянуто

регулирование верований у коренных жителей. Именно в «Инструкции пограничным дозорщикам» косвенно, но признает наличие буддизма в Российской империи: «...лам заграничных, чужих подданных в улус к себе ясачным инородцам не пропускать и довольствоваться теми ламами, которые после разграничения с Китаем остались на российской стороне для того, дабы российских подданных пожитки не чужим, но своим доставались, так как между ламами не без обманщиков бывает, то чтобы шаманством и прочим непорядком простых людей не грабили. Ежели оставшихся лам на российской стороне по нынешнему разграничению недовольно, в таком случае выбирать их между собою из каждого рода по два мальчика благоразумных и к наукам охотных, хотя из сирот или кто похочет, и отдавать тайше Лупсану¹, дабы при нем обретающиеся ламы оных учили мунгальской грамоте и прочему, что таким принадлежит, дабы верноподданным ныне и впредь в чужих ламах не было нужды, а которые выучатся совершенно мунгальской грамоте, в которой российским подданным и иноземцам не без нужды, тех обнадеживать милостью его императорского величества в произведении чинов и в начальники» [7, с. 127].

В рамках конфессиональной политики государства, было предпринято сокращение иностранных лам, а также проникновение иностранного влияния на местное население. Важным аспектом стало и то, что теперь государство централизовало управление буддизмом среди бурят, сосредоточив его контроль среди родовой знати.

После выхода «Инструкции пограничным дозорщикам» С. Л. Владиславич-Рагузинского контролировать «ламский» вопрос стало легче, однако полностью подавить не получалось. Буддизм слишком крепко укоренился среди инородцев, предоставляя такие же блага в области медицины и образования, как и христианство.

Активная наступательная политика Русской православной церкви при поддержке имперских властей, позволило заменить миссионерскую деятельность Иркутской епархии на формирование в Забайкалье собственной епархии в 1894 г. [1, с. 34]. Содержание Забайкальской епархии для распространения православия у инородцев и борьбе с буддизмом обходилось государству в 33 тыс. р. в год. Денежный вопрос не так сильно беспокоил власть, как обеспечить должное содержание «первенствующей и главенствующей» церкви в империи [3, с. 148].

Распространение православие наилучшим образом проходило среди Прибайкальских бурят, в связи с их отдаленностью от восточных границ. В Забайкалье Русская православная церковь сдавала позиции буддизму, который не только смог проникнуть на данную территорию раньше, но и духовно стать ближе для бурятского народа. «Инструкция пограничным дозорщикам» С. Л. Владиславич-Рагузинского не смогла в полной мере обеспечить изоляцию лам от иностранного влияния и дала мощный толчок для легитимности буддизма. Однако несмотря на предпринятые действия графа С.Л. Владиславич-Рагузинского с его организации охраны границ, в том числе и для сдерживания потока зарубежных монахов, пол-

ностью искоренить буддизм было невозможно. На этот счет у власти была своя позиция, которая рассматривала эту религию как один из способов проникновения и установления влияния над буддийскими государствами: Монголия, Китай и даже Индия.

Буринский договор, а также «Инструкция пограничным дозорщикам» смогли на недолгое время оставить столь активное распространение буддизма и дать дорогу православию в рамках конфессиональной политики ровно до тех пор, пока среди бурятских племен не появились собственные обученные ламы. Так, к середине XIX в. численность буддистов насчитывалась 4556 чел., а дацанов — 34 [2, с. 41]. К началу XX в. среди коренных народов в Восточной Сибири преобладали православие, буддизм и шаманизм. Появилась тенденция совмещения религий, которая прослеживается по сей день.

Литература

1. Арпентьева, М. Р. История и верования народов Забайкальского региона // Емельяновские чтения: материалы всероссийской научной конференции, посвященной 75-летию образования Курганской области (Курган, 20 апреля 2018 г.) / ответственный редактор В. В. Менщиков. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2019. С. 29–35.
2. Буддизм в истории и культуре бурят: монография / И. Р. Гарри, С-Х. Д. Сыртыпова, Н. В. Цыремпилов [и др.]. Улан-Удэ: Буряад-Монгол Ном, 2014. 417 с.
3. Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX — начало XX в.). Иркутск: Иркут, 1986. 168 с.
4. Дамешек Л. М. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII — начало XX в.). Иркутск: Отгиск, 2018. Т. 1. 456 с.
5. Постников А. В. Работы по организации охраны и картографирования территорий, разграниченных между Российской империей и цинским Китаем по условиям Нерчинского договора (1689 г.) и Кяхтинского (Буринского) трактата 1727 г. // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2016. Т. 17. С. 12–25.
6. Эмирзиади, Л. В. История развития дипломатических отношений России — Китая и установления восточных границ России в конце XVII — начале XVIII в. // 70 лет дружбы и сотрудничества: материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 70-летию установления дипломатических отношений между Россией и КНР (Чита, 18 октября 2019 г.) / Забайкальский государственный университет; ответственный редактор Е. А. Юйшина. Чита: Изд-во ЗабГУ, 2019. С. 87–97.
7. Цыремпилов, Н. В. Российско-цинские договоры XVII–XVIII вв. и статус тибето-монгольского буддизма в Российской империи // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 7. С. 125–129.

BURINSKIY TREATY OF 1727 AND ITS INFLUENCE
ON THE SPREAD OF ORTHODOXY AMONG THE BURYATS

Budaeva Oyana Ervemovna

Student

Irkutsk State University

Russia, 664003, Irkutsk, st. Karl Marx, 1

ayana.budaeva@list.ru

Abstract. Throughout almost all of its coexistence, the Russian Empire pursued a policy of "Russification" in relation to new territories and their indigenous inhabitants. Confessional politics was one of the means to achieve the goals set by the Government. Thus, the authorities planned to subjugate the indigenous peoples not only physically, but also spiritually. To implement the plans, various regulatory legal acts were issued, colossal sums were allocated, and so on. The article discusses the Burin Treaty of August 20, 1727. between the Russian Empire and China, as a means of promoting Orthodoxy among the Buryat ethnic group and its further "Russification" within the confessional policy of the state. The work pays due attention to the activities of Count S. L. Vladislavich-Ragusinsky and his "Instructions to Border Patrol officers", as well as the relationship of the Russian Orthodox Church with other religious beliefs.

Keywords: buryats, Russian Empire, Orthodoxy, ROC, baptism, Buddhism, Lamas, shamanism, Burin Treaty, Kyakhta Treaty, S. L. Vladislavich-Raguzinsky, Instructions to border patrol officers.